

Еще раз о "ботанике", или о вбивающих гвозди в Тело Христово

13 апреля 2012 г.

Крылов Георгий, протоиерей

Давая общий ответ на многочисленные обвинения христиан в излишне негативной реакции на выступление панк-группы "Pussy Riot", протоиерей Георгий Крылов прибегает к анализу христианского мировоззрения в его отношении к кощунству. Для этого постоянный автор портала предлагает вниманию читателей краткий исторический экскурс по проблемному вопросу.

Многочисленные комментаторы понудили меня написать один общий ответ на все многочисленные претензии и обвинения христиан в «волне злобы», которая поднялась после акции «Пусей». В этом смысл любой провокации – сначала осквернить святыню, а затем обвинить в злобе протестующих. Причем эта статья – вовсе не продолжение предыдущей[1]. Это совсем иной жанр – религиоведческий анализ ситуации. Для анализа противоречий развернувшейся в комментариях «баталии» необходимо прибегнуть к анализу христианского мировоззрения в его отношении к кощунству. А для этого, как обычно, необходим краткий исторический экскурс.

В средневековой юриспруденции и, соответственно, в общественном сознании существовало понятие «преступления против Бога». Оно было определено понятием святыни и, в конечном счете, пониманием и «ощущением» Бога в обществе – Бог был не вечно взыскуемой абстракцией (как в современности), а обыденной, обиходной конкретикой. В целом общественное сознание определялось церковно-каноническим сознанием, в котором, понятно, кощунство однозначно определено и характеризуемо, определена и реакция на кощунство.

Причем преступление против Бога по определению воспринималось как значительно более тяжкое по сравнению с любым преступлением против человека. Это преступление было сродни преступлению против государства и Государя (к подобным преступлениям, кстати, относилось и колдовство). Недаром в русском средневековье оно было маркировано фразой «Слово и дело Государево». Т.е. преступник против Бога посягал не на «чувства верующих», а на Бога и через это на безопасность православного

государства и Государя – т.е. на общественную безопасность. Почему? Посягающий на Бога «автоматически» лишается божественного покрова и защиты. Если общество допустило богохульство – защиты лишается общество (а не только богохульник). Поэтому государство и общество чувствовало на себе ответственность за происходящее на «собственных просторах». По этой причине все средневековые христианские государства выработали законодательный механизм защиты от богохульства, который работал очень эффективно, более эффективно, чем современное законодательство.

Объясню, как. Произнесенное слово в средневековье имело совсем иную силу, оно воспринималось символически. Слово было равносильно делу – не в пример современному пустословию (именно поэтому в средневековье невозможна была журналистика – в современном виде). Итак, произнесший фразу «Слово и дело Государево» (где бы она не была произнесена) автоматически попадал под своеобразную «программу защиты свидетелей». Окружающие, кем бы они не были, обязаны были сохранно доставить произнесшего в соответствующие органы для произведения расследования – в ином случае они становились участниками преступления. Произносящий фразу, впрочем, старался произнести ее в присутствии госслужащих (чиновников, дьяков, подьячих и проч.) – в этом случае она имела просто «волшебное» действие (это показано в одном из эпизодов фильма «Раскол»). Что же касается расследований по подобным делам, они частично опубликованы в замечательной монографии Новомбергского[2].

Преступление против Бога в христианском средневековье наказывалось смертью. Так было в Византии – градский закон Номоканона однозначно это устанавливает. Самый наглядный русский пример – казнь жидовствующих. Преп. Иосиф Волоцкий в данном случае руководствовался не собственными чувствами и представлениями в отношении этих хулителей, а канонической византийской практикой. Подобных примеров из западного средневековья можно привести множество. Святые отцы не были «гуманистами» – в современном понимании этого слова.

Следует отметить, что кощунство и богохульство – это вовсе не «растяжимое понятие», как меня заверяют либерал-комментаторы. Оно однозначно описано и определено Номоканоном. И с православной канонической точки зрения акция “Pussy Riot” – однозначное кощунство. Правда, с современной постмодернистской точки зрения это можно оспорить – что и пытаются сделать. Но храм (вне зависимости от его имущественной принадлежности) – «территория традиции», и законы в нем установлены не сегодня. Причем, законы не внешние – речь идет о «законе сердца», определяющем одинаковое восприятие акции общецерковным сознанием.

Ладно, вернемся к истории. В XIX в., ввиду общественной секуляризации, из юриспруденции понятие преступления против Бога исчезло. Причем, понятно почему – исчезла вера. Хотя понятие «кощунство» в законе осталось, но оно теперь определялось как «всякое посягательство на все признаваемое христианскою верою вообще и Православною Церковью в особенности божественным или священным, посягательство, внешним образом проявляющееся в публичном выражении неуважения к догматам и обрядам христианской веры и Православной Церкви или порицании их.

Субъектом этого преступного деяния может быть всякое лицо, причем необходимо заметить, что богохульство, или поношение святых Господних или порицание веры и Церкви Православной, учиненное без умысла оскорбить святыню, по невежеству или пьянству, вменяется в вину учинившему, несмотря на отсутствие в нем сознания совершаемого, хотя и влечет за собою менее тяжкое наказание...» (Брокгауз и Ефрон). Наказание, которое предполагалось в данном случае – от 15 лет каторги до тюрьмы и ссылки[3]. Вот откуда взялись современные представления о кощунстве как об «оскорблении чувств верующих». Сегодня у нас государство светское, и поэтому «оскорбление чувств» в понимании либералов заслуживает лишь символического наказания (как, например, были наказаны организаторы одноименной выставки «Осторожно, религия»).

Современное секулярное сознание оперирует именно этими категориями. Но церковно-общественное сознание продолжает основываться на канонических представлениях о кощунстве. Поэтому в современных «баталиях» по этому поводу встречаются два мировоззрения – средневековое церковное и современное секулярное. Церковь фактически продолжает жить по каноническим представлениям, во многом скопированным средневековым законодательством. Церковное мировоззрение определяется этой многовековой традицией, «замороженной» в Церкви по приходе Нового времени. Поэтому, по отзывам на кощунную акцию «Пусей» можно характеризовать их мировоззрение и анализировать степень воцерковленности высказывающихся. Церковное сознание принципиально не может воспринимать акцию иначе как «преступление против Бога». Церковным сознанием, повторяю, определена и реакция на кощунство, которая и воспроизводится адептами в разных аспектах. Существует разряд преступлений, которые не могут оставаться без наказания – в этом смысл высшего Божественного милосердия. И дело не в «волне злобы», а в духовной трезвости, которая реально видит и анализирует произошедшее. Наказание – единственный способ помочь преступнику объективно осознать меру содеянного (духовную меру, повторяю – а не «ущерб чувств верующих») и покаяться. Остается добавить в этом абзаце к сказанному: читайте Достоевского, у него о преображающей пользе наказания написано достаточно.

Противоположные же высказывания (простить, забыть, помиловать) представителей Церкви и «просто православных» определены либо же политическим расчетом (не привлекать внимания – что вполне простительно), либо же отсутствием и/или секулярной трансформацией христианского мировоззрения в них вообще.

Следует сказать, что рассматриваемые категории присутствуют в сознании далеко не всегда как цельные умообразные концепты. Чаще их присутствие можно отследить лишь на уровне ощущений. Так в Церкви всегда существовало чувство святыни, и, соответственно, благоговение перед святыней. В современном мире о существовании подобных чувств говорить не приходится. При осквернении святыни совершается «духовная авария». Христианин интуитивно чувствует, что произошло нечто ужасное, значительно более ужасное, чем любое другое мыслимое или немислимое преступление против человека. И преступление требует внешних действий, оно осознается как собственное, личное упущение. Но тут вовсе не «волна злобы». Следует отметить

различное отношение к кощунству у христиан и, например, у мусульман, в силу специфики христианства. Для христианина никогда не будет ответной реакцией на кощунство месть. Христианин всегда воспринимает кощунство в свете страданий Христовых – как продолжение этих страданий. Поэтому и определяет собственное место у Креста: с плачущими, или с мучителями, распинателями, глумителями. Другого места у христианина нет. Внешние действия – попытаться встать на защиту Христа (как апостол Петр) – и только. И плакать – ибо за каждым кощунством христианин осознает элемент собственной вины.

Что же касается дальнейшей судьбы гонителей и распинателей – в иерархической картине мира христианина она определена. Он может лишь содействовать «практическому осуществлению» этой картины. Христос имел право и власть прощать своих распинателей. Мы, естественно, этого права не имеем, мы призваны молиться лишь о прощении наших личных обидчиков. Но никому еще из христиан не приходила мысль молиться об царе Ироде, Пилате или Иуде. Никто, кроме Бога, не имеет власти простить их. Хотя злобы по отношению к этим личностям христианин никогда не испытывал. Испытывается лишь боль. Но какого бы то ни было права прощать хулу на Бога не имеет ни христианин, ни Церковь. Речь в данном случае идет не о частностях (при раскаянии в мелком богохульстве назначалась епитимия) – об основном принципе. Церковь в целом, и христианин в частности не могут не чувствовать невозможность узурпировать и присвоить себе власть прощать Божиих врагов. Поэтому провокационные призывы к «милосердию» основаны на непонимании основных законов бытия Церкви как Тела Христова.

Досужие либералы, оплевывая обвинениями Патриарха, вспомнили и о древнерусской традиции «печалования» Патриарха перед светской властью. «Почему Патриарх не попечалуется о несчастных девушках?» Но Патриарх в Древней Руси «печаловался» лишь о государственных преступниках, ни одного прецедента печалования о «преступниках против Бога» я не помню. Да и сам факт подобного «антипечалования» выглядел бы принципиально несогласным с самим принципом «печалования». Если же рассматривать детальнее, то суть печалования обычно состояла в том, что Патриарх просил не казнить бунтарей, а казнь заменить острогом (вспомним знаменитый эпизод печалования Патриарха Адриана перед Петром I после подавления стрелецкого бунта). В случае с нынешней акцией «моратория» на смертную казнь, по-моему, никакого печалования не требуется?

Возможен лишь один вариант молитвы о распинателях Христа – молитва об их покаянии и преображении. В этом, в конечном счете, был смысл Христовой молитвы о собственных распинателях. Помолимся, братие, о всех тех многочисленных деятелях, которые с оплаченным усердием продолжают известное и печальное дело – вбивают гвозди в тело Церкви Христовой! Конец подобной «деятельности» известен – примеров множество. А нам вас жалко, братия.

[1] <http://www.bogoslov.ru/text/2482935.html>

[2] Новомбергский Н. Я. «Слово и дело Государевы», М., 2004г. (переиздание), в 2-х тт.

[3] Самым тяжким наказанием, а именно лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы на время от 12—15 лет, закон грозит виновному в богохульстве, совершенном в церкви. За учинение этого деяния в публичном месте при многолюдном собрании виновный подвергается к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от 6—8 лет, а виновный в богохульстве, совершенном лишь при свидетелях, — лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири. Богохульство неумышленное, совершенное по неразумению, невежеству или пьянству, наказывается тюрьмой, а недоносители приговариваются к тюрьме или аресту.

<http://www.bogoslov.ru>